

Мартин Кольрауш
 Предвестники современности.
 Восточно-Центральная Европа
 и подъем архитекторов-
 модернистов. 1910–1950

Бостон; СПб.: Academic Studies Press /
 Библиороссика, 2023

Татьяна Гнедовская

Несмотря на большой объем текста, монография Мартина Кольрауша читается на одном дыхании. Отчасти этому способствует пристальное внимание автора к судьбам отдельных архитекторов — малоизвестные, часто неожиданные факты их личной и творческой биографии почерпнуты автором из многочисленных архивных документов, публикаций в тогдашней прессе, частной переписки и т. д. Еще одним несомненным достоинством книги является ее четко выстроенная структура. В первой главе речь идет о специфике ситуации в Восточной Европе и истории возникновения в ней (или проникновения в нее) идей модернизма. Во второй главе в центре внимания оказываются уже архитекторы-модернисты как новый тип творческой личности и лидеры общественных настроений. В третьей главе речь идет о формировании этими людьми новых целей, стоящих перед архитектурой. В четвертой главе Кольрауш подробно анализирует способы массового внедрения и пропаганды новых принципов строительства, понимаемого как важнейшая часть социальных реформ. В главе пятой автор обращается к подробному разбору масштабного градостроительного проекта «Варшава функциональная», который

именует «материализацией международной повестки». И наконец, финальная, шестая, глава повествует о закате идей межвоенного модернизма и печальной, а иногда и трагической судьбе исповедовавших его архитекторов. Последняя часть шестой главы посвящена попыткам возрождения модернизма и адаптации его принципов к радикально изменившимся обстоятельствам.

Поскольку автор монографии не искусствовед, а историк, в центре его внимания оказываются не столько постройки и проекты, сколько их создатели — архитекторы-модернисты, принадлежавшие к одному поколению и обнаруживавшие целый ряд общих или, по крайней мере, близких качеств и свойств. Рассматривая в первую очередь историю архитекторов Польши, Чехословакии, Венгрии и отчасти других восточноевропейских стран, автор не забывает помещать их судьбы и творческую эволюцию в более широкий контекст. Читатель узнает о связях восточноевропейских модернистов со знаменитыми коллегами из Западной Европы и Советской России, о развитии интернационального стиля и о функционировании международной организации CIAM, «приросшей» на определенном этапе филиалом CIAM-Ost. Шесть глав книги, как пишет во введении сам Кольрауш, «в общих чертах следуют хронологической структуре и сочетают ее с тематическими подходами. В каждой из глав, основное внимание уделяющих Восточно-Центральной Европе, исследуются вопросы, выходящие далеко за пределы этого региона». Именно этот принцип помещения менее известной информации в контекст широко известной помогает лучше оценить специфику архитектурной жизни в регионе, которому посвящено исследование, и одновременно избавиться от некоторых привычных клише.

Нельзя не признать, что наши представления о модернизме и модернистах приобрели несколько пугающую законченность и однозначность, обусловленную не в последнюю очередь устойчивой модой на это художественное направление и обилием печатных изданий о нем. Множество монографий и статей посвящено истории возникновения нового искусства в Германии, Нидерландах, Франции, а позднее в США; не меньшее число трудов написано о творчестве таких пионеров модернизма, как Ле Корбюзье, Мис ван дер Роэ, Гропиус. Созданная последним знаменитая на весь мир школа Баухауз также многократно становилась предметом подробнейшего анализа. С другой стороны, немало исследований посвящено истории

отечественного аналога, школы ВХУТЕМАС, как и в целом развитию советского архитектурного авангарда.

При этом о том, что происходило в те же самые прорывные годы с архитектурой и архитекторами стран Восточно-Центральной Европы, самой своей географией поставленных между этими двумя полюсами, в мире известно не так уж много. Между тем, как явствует из книги Кольрауша, процесс реформирования архитектурных принципов шел в этих странах с особой интенсивностью, в чем-то повторяя и уточняя траекторию развития международного движения, в чем-то следуя своим оригинальным путем. Молодые страны, после Первой мировой войны обретшие долгожданную независимость, вынуждены были в кратчайшие сроки восстанавливать города, наверстывать техническое отставание и одновременно выстраивать новую государственность и искать собственную национальную идентичность. Этот набор задач вынуждал форсировать культурные и технологические реформы и выдвигал на первый план фигуру архитектора-модерниста, совмещавшего в себе функции творца, идеолога, технического специалиста, медиума и «реализатора». Как пишет Кольрауш: «...в новых государствах, основанных в 1918 году, динамика — и настоящая необходимость — модернизации являлись практически смыслом их существования».

Исследуя подробно жизнь и деятельность группы людей, принадлежащих к одному поколению и исповедовавших близкие взгляды, Кольрауш на их примере рассказывает о том, как архитекторы-модернисты боролись за признание; как выстраивали систему отношений друг с другом внутри страны и за ее пределами; на чем базировались принципы массовой пропаганды современного стиля и новых принципов жизни; как по мере увеличения личных и творческих амбиций модернисты искали все более тесных контактов с государством — единственным заказчиком, способным воплотить в жизнь их грандиозные замыслы; и как со временем многие из них пришли к убеждению, что благие усовершенствования могут или даже должны осуществляться насильственно.

В процессе чтения в очередной раз приходишь к неутешительному выводу, что тоталитарные политики 1930-х годов, в большинстве своем жестоко преследовавшие и травившие модернистов, переняли из их опыта очень многое: от утопической веры в то, что архитектура способна менять человека и целое общество, до методов ее тотальной

и массовой пропаганды. Вот только архитекторы на этом этапе превратились из «государственных людей» в людей «государевых». И если в межвоенный период они добились права влиять на общество и на власть, в том числе «стилистически», то в новых политических обстоятельствах роли изменились с точностью до наоборот, что не замедлило сказаться на художественных результатах.

Впрочем, как раз художественных аспектов Мартин Кольрауш предпочитает в своей монографии касаться минимально, изначально заявив, что «сознательно решил не фокусироваться на эстетических вопросах стиля и связанных с ними моментах». Надо сказать, что и герои монографии уже с середины 1920-х годов (т. е. как раз с момента обретения долгожданного «нового стиля») как будто все больше стеснялись пользоваться эстетическими характеристиками, предпочитая им подчеркнута «объективную», научную и техническую терминологию, ведь, как пишет Кольрауш, архитектура была призвана «преодолеть ужасы войны с помощью ясности и технологий».

Оглядываясь на предшествующую историю, отмечаешь любопытный парадокс. Начиная по крайней мере с 1900-х годов художественные реформаторы из разных европейских стран исступленно искали новый универсальный художественный стиль, в котором видели панацею не только от культурной и ментальной деградации, но и от социальных противоречий и политических потрясений. В результате, обретя долгожданный «новый стиль» к середине 1920-х годов, они довольно скоро отказались от самого термина, который теперь казался слишком узким, снижающим значимость их универсального изобретения. С ростом успехов росли и амбиции, и теперь архитекторами двигала уверенность, что «модернизм — нечто гораздо большее, чем просто стиль». А поскольку на дворе была эпоха «новой вещественности», или «новой деловитости», а архитекторы все в большей степени настаивали на своей технической, организационной, идеологической и общественной роли, то в обиход вошли совсем другие, более нейтральные обозначения вроде «нового строительства», «рационализма» или «конструктивизма». В частности, Кольрауш пишет, что «конструктивизм являлся лозунгом, объединявшим интернациональный авангард».

Следя за судьбой отдельных героев монографии, среди которых польские проектировщики супруги Х. и Ш. Сыркусы или чехословацкий модернист К. Тайге, очень интересно наблюдать, как многие

из них с охотой принимали на себя роль не только издателей журналов, пропагандировавших новый стиль, но и образцовых представителей современности, носителей этого самого стиля, который проявлялся в их облике, качестве и особенностях одежды и даже в манере поведения. Этот стиль со временем стал визитной карточкой интернационального сообщества единомышленников, позиционирующих (да и ощущающих себя) главной движущей силой глобальных перемен. Эти люди «использовали обещания современности для превращения модернизма в общественное движение и создание мощных сетей». На определенном этапе в них поверили и их планы активно поддержали политики, надеявшиеся в кратчайшие сроки радикально преобразить и перестроить разрушенные войной города, внедрив в них новые принципы существования и легитимизировав, таким образом, новую государственную власть. Любопытно, что национальному самоутверждению обретших независимость стран должен был служить архитектурный стиль, именованный *интернациональным*.

Иллюстрируя более общие рассуждения, касающиеся Восточно-Центральной Европы в целом, Кольрауш в большинстве случаев обращается к опыту Польши и ее столицы Варшавы. Этот город, стремительно развивавшийся и при этом сильно разрушенный как Первой, так и Второй мировой войной, на протяжении долгих лет рассматривался модернистами из разных стран как благодатное поле для глобальных градостроительных и социальных экспериментов. Перед читателем проходит весь спектр проектов и дискуссий, связанных с этим городом, начиная от плана «Варшава функциональная» и выставки «Варшава будущего» и заканчивая послевоенной выставкой «Варшава обвиняет», а также предложениями по восстановлению разрушенной польской столицы. Как пишет Кольрауш: «До 1949 года Варшава, ставшая символом как войны против городов, так и потрясающего возрождения, регулярно фигурировала на страницах газет всего мира». Впрочем, примером Варшавы автор не ограничивается, подробно рассказывая, например, об опыте строительства и реконструкции таких чехословацких городов, как Брно и Злин, в последнем из которых размещалась фабрика «Батя» и где «тысячи новых жителей не просто переехали в современные квартиры, но приобрелись к современному быту, продиктованному фабрикой, наряду с комплексной программой досуга и образовательной деятельности».

Заключительная часть монографии, как уже говорилось, повествует о событиях послевоенного десятилетия. Из нее читатель с облегчением узнает, что едва ли не главные герои книги, польские архитекторы еврейского происхождения Хелена и Шимон Сыркусы, пройдя через концентрационные лагеря, не только чудом выжили, но и встретились вновь в послевоенной Варшаве. Однако следующее десятилетие оказывается в чем-то еще более разрушительным для героев монографии, чем предыдущие два. Модернисты из Западной и Восточной Европы, в большинстве своем сумевшие сохранить дружеские и профессиональные связи даже на фоне ужасов Второй мировой войны, оказались разведены по разные стороны баррикад с началом войны холодной. Горькая ирония судьбы состоит в том, что люди, исповедовавшие в большинстве своем левые взгляды и мечтавшие о мировой революции, перестали понимать друг друга, когда многие из них оказались гражданами стран, объявивших себя социалистическими. Прочитав Кольрауша: «На VII Конгрессе СИАМ 1949 года <...> Х. Сыркус, тогдашний вице-президент СИАМ, провозгласила, что требования Афинской хартии в Варшаве полностью выполнены. Теперь надо сделать следующий логический шаг, который в глазах Сыркуса подразумевал под собой переход к социалистическому реализму». Из этой цитаты многое становится понятно без дополнительных комментариев.

В эпилоге своей монографии Мартин Кольрауш справедливо пишет, что предпринятый им «взгляд на Восток не вынуждает нас полностью переосмысливать историю архитекторов XX века и модернизма. Однако он предполагает необходимость акцентирования и переоценки существенных аспектов». Дабы сохранить интригу, я не буду останавливаться подробно на результатах этой переоценки. Скажу лишь о том, что для российского читателя книга Кольрауша, как мне кажется, представляет особый интерес, ведь речь в ней идет о странах, с которыми нашу страну связывает давняя, временами трагическая, временами болезненная, но неизменно важная для обеих сторон история взаимоотношений. Восточно-Центральная Европа традиционно служит нам одновременно зеркалом и окном в другую, куда более далекую от нас Западную Европу.